

Светлана
ДЕМИДОВА

*Неправильная
женищина*

Светлана Демидова

Неправильная женщина

«Автор»

2010

Демидова С.

Неправильная женщина / С. Демидова — «Автор», 2010

ISBN 978-5-699-45942-1

Лана запуталась. Шутка, задуманная ею в юности, обернулась так, что женщина до сих пор не может распутать клубок взаимоотношений, в который оказались втянуты ее знакомые Таня и Юрий. Лана и Татьяна были подругами, пока между ними не встала любовь к одному и тому же человеку. Таня – практичная и расчетливая, знает себе цену и стремится как можно лучше обустроить собственный быт. Лана – другая. Кому же из женщин достанется любовь Юрия? Может, той, чье чувство не эгоистично, а жертвенно? Или?..

ISBN 978-5-699-45942-1

© Демидова С., 2010

© Автор, 2010

Содержание

1975 год	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Светлана Демидова

Неправильная женщина

1975 год

* * *

Лана Кондратенко, прехорошенькая сероглазая шатенка шестнадцати с половиной лет отроду, в некотором сомнении еще раз оглядела свою подругу Таньку Ермакову, а потом все же сказала, слегка растягивая слова:

– Он на тебя все время смотрит.

Лана всегда несколько тянула гласные. Она не жеманилась и не кокетничала. Просто у нее была такая манера. Те, кто хорошо относился к Лане, считали это ее милой особенностью. Другие, которых, прямо сказать, имелось гораздо больше, находили такой выговор вульгарным и претенциозным. Лане было все равно. Она не замечала за своей речью никаких особенностей. Танька тоже ничего не замечала или же привыкла, а потому не обращала на эти особенности внимания.

– Кто смотрит? – спросила она.

– Юра Майоров из десятого «А»!

– Да ла-а-адно... – протянула Танька в Ланином стиле, хотя обычно в отличие от подруги говорила самой настоящей скороговоркой.

– Точно! – Лана для пущей убедительности сильно потрянула кудрявой головой. – Я давно за этими его взглядами наблюдаю.

Танька отставила в сторону стакан с компотом из сухофруктов и посмотрела в сторону соседнего стола, за которым обедали ребята из десятого «А». Юра Майоров был очень хорош собой: высок, широкоплеч, с длинными волнистыми, как у принца из сказки, волосами и ярко-голубыми глазами, а потому Танька сложила губы трубочкой, довольно громко выдула через нее воздух и еще раз протянула:

– Да ла-а-адно... – После этого она еще раз оглядела Юру и, опять взявшись за недопитый компот, с огорчением констатировала: – Разыгрываешь!

– Нет же! – Лана наклонилась к самому уху подруги и горячо зашептала: – Ты ему нравишься, и это совершенно очевидно! Я пыталась поймать его взгляд, но он на меня даже не реагирует! А раз смотрит в нашу сторону и не на меня, то, как ты думаешь, на кого?!

– На кого? – севшим скрипучим голосом глупо спросила совершенно растерявшаяся Ермакова.

– Ну даешь! – возмутилась Лана, отобрала у подруги компот, стукнула стаканом об стол, поднялась и за руку потащила ее из столовой. Танька послушно поплелась за ней, без конца оборачиваясь и глядя то с большим сожалением на недоеденные абрикосы, призывно оранжевшие сквозь граненые бока стакана, то с большой надеждой – на Майорова, который почему-то не отрывал взгляда от тарелки с холодным борщом.

Когда подруги уселись на широкий подоконник в рекреации у кабинета литературы, Танька сказала:

– Этот твой Майоров смотрел только на свой борщ! Будто с голодного острова приехал...

– Правильно! Смотрел на борщ! – ничуть не смутилась Лана. – Наверняка проголодался, ведь сейчас шестой урок начнется! Но это не главное! Главное в том, что он понял: я заметила, как часто он на тебя смотрит, и смутился! Вот!

Чувствовалось, что Таньке очень хочется в третий раз с сомнением протянуть «да ла-а-адно», но она, видимо, поняла, что это будет перебор, а потому сказала:

– Ну... допустим... И что теперь с этим делать?

– Вот! Наконец-то слышу разумные слова! Раз парень смущается, думаю, тебе нужно начать действовать самой!

– Как это самой? – испугалась Танька, и ее щеки мгновенно из нежно-розовых сделались бордовыми.

– А так: возьми да и пригласи его погулять! – самым решительным образом предложила Лана.

– Совсем с ума сошла, да?! Как это я его приглашу?! Что он обо мне подумает?!

– Да он только обрадуется! Вот представь: сидит он сейчас над своим борщом и думает, как бы к Танечке подвалить... сомневается, мучается, а тут вдруг раз – и все оказывается решенным как бы само собой, остается только согласиться пойти с тобой гулять!

– Ну, ты вообще! – возмутилась Танька. – Не стану я его приглашать! Да я никогда в жизни не смогу этого сделать!

Лана закусила губу от огорчения. План мог сорваться. Допустить это нельзя. Надо идти ва-банк, и она пошла:

– Раз Юрка тебе нравится, значит, сможешь! Ломай стереотипы, и все получится!

Конечно, Танька могла сказать: «А с чего ты взяла, что он мне нравится?» Тогда пришлось бы срочно убеждать ее в том, что Майоров, вне всяких сомнений, ей нравится, и уже давно. Но потерявшая всякую ориентацию Ермакова только ловила ртом воздух, будто при кислородном голодании, и ничего не могла вымолвить. Лана решила ковать железо, пока горячо.

– Не обязательно действовать так примитивно, – сказала она. – Можно, например, узнать Юркин номер телефона и позвонить. А там за разговором... то да се... договоришься и о свидании. Если поведешь себя умно, он даже не догадается, что ты его пригласила. Подумает, что сам!

– Это как же? – прошептала сокрушенная железной логикой подруги Ермакова.

Лана хотела начать просветительскую работу, но как раз в это время прозвенел звонок, и пришлось идти на урок. Вообще-то Лана любила литературу, но в этот день метания героев классических произведений показались ей смешными и мелкими по сравнению с собственными мучительными переживаниями. Вовсе не Таньке, а ей самой безумно нравился Юра Майоров из параллельного класса, который в ее сторону почему-то никогда не смотрел. Все остальные парни смотрели, пытались ухаживать и предлагать всяческие отношения, а он – никогда. При этом Лана видела, что дело вовсе не в смущении молодого человека, который очень хочет, но не знает, с какой стороны подъехать к понравившейся девушке. Майорову она не нравится. Он ее не замечает. Проходит, будто мимо стенда с успеваемостью или планом эвакуации школы при пожаре. А Лана при встрече с ним болезненно вздрагивала, сердце ее стучало так, будто намеревалось пробить насквозь грудную клетку, чтобы вылететь в астрал. Лана мечтала об этом молодом человеке по ночам, подолгу не могла заснуть, потом забывалась тревожным поверхностным сном и просыпалась разбитой, с тяжелой головой и синяками под глазами. Девушка понимала, что так недалеко и до нервной горячки, а потому решила действовать. Несмотря на советы, щедро раздаваемые Таньке, сама Лана не могла первой обратиться к Майорову и признаться в своих чувствах. Что-то в этом было унижительное. То, что вполне могло сгодиться для простушки Ермаковой, ей, Лане, никак не пристало. Сегодня очередной полубессонной ночью в голове наконец созрел довольно сложный план привлечения интереса Юры Майорова к собственной персоне. Да, к собственной, а вовсе не к ермаковской! Танька ей нужна всего лишь как инструмент... Нет, скорее как липкая лента, в которой вязнут лапки бестолковых мух.

Вспомнив свои утренние размышления на предмет Таньки, липкой ленты и мух, Лана смутилась и даже бросила быстрый взгляд на подругу, будто та могла читать ее мысли, и

довольно улыбнулась. Пока все шло точно по разработанному плану. На лице Ермаковой застыло мечтательное выражение. Было совершенно очевидно, что она думает о Майорове. Если Таньку сейчас вызовут к доске, она даже не сообразит, с чем и зачем к ней пристают. Впрочем, и она, Лана, тоже далека от того, о чем вещает литераторша Мария Константиновна.

Конечно, сравнивать красавца Юру, на лице которого к тому же явственно читается интеллект, с мухой тоже не очень-то красиво, но это всего лишь образное выражение. Лана решила завлечь его в собственные сети Танькой. Ермакова довольно хорошенькая, а потому Майоров на ее призыв наверняка откликнется. А когда они станут встречаться, Таньке обязательно придется познакомить своего молодого человека со своей же лучшей подругой, то есть с ней, Ланой. Они даже проведут вдвоем какое-то время. И вот тут-то Юра непременно разглядит, насколько выгодно Лана отличается от Таньки, и, конечно же, переметнется к ней. Лана поначалу, разумеется, начнет отнекиваться и утверждать, что счастье подруги для нее дороже личного благополучия, а потом все-таки сдастся, и они с Майоровым будут вместе всю оставшуюся жизнь. А поскольку оставшаяся жизнь гораздо длиннее уже пройденной, их счастью просто не будет конца. Что при этом станет делать брошенная Юрой Ермакова, Лану почему-то совершенно не волновало. В конце концов, зачем заглядывать в Танькину жизнь так далеко? Она ведь с Юрой даже не познакомилась еще. Однако удивительно, что подруга сразу согласилась с тем, будто Майоров ей нравится, хотя с утра этого еще ничто не предвещало, не говоря уже о вчерашнем дне! Как можно быть такой внушаемой?! Впрочем, это ей, Лане, сейчас только на руку.

Литература закончилась благополучно, как для не в меру размечтавшейся Таньки, так и для настроенной по-деловому Ланы. А когда девушки шли из школы домой, Ермакова уже сама завела разговор о Майорове:

– Вот ты говоришь, что можно позвонить Юрке... А где взять номер его телефона?

– Ну... это не проблема, – тут же успокоила ее Лана. – Ты же знаешь, что со мной на одной площадке живет Валерка Орлов из их класса. У него и узнаю.

– Да? А что ты скажешь?

– Что есть, то и скажу: что номер нужен моей подруге.

– Но тогда он сразу догадается, что мне!

– Ну и что?! Если ты влюблена, то зачем это скрывать? – Лана намеренно произнесла «ты влюблена» вместо «тебе нравится», чтобы проверить реакцию Ермаковой. Она оказалась положительной. Танька уже «была влюблена».

– Как-то неудобно... – отозвалась влюбленная по чужому желанию.

– Брось! Орлов еще будет завидовать Юрке. Ты ж у нас прехорошенькая!

Танька действительно была таковой. Лана душой не кривила. Но именно хорошенькой, миленькой – и только. Нет в ней той знаменитой изюминки, которая даже абсолютно некрасивую особу может сделать привлекательной, а хорошенькую – настоящей красавицей. По мнению Ланы, Татьяна Ермакова слишком уж простовата. Проста во всех смыслах. Ну разве умную девушку можно в одночасье убедить в том, что она влюблена в того, кого до этого даже не замечала в коридорах школы?! Да никогда в жизни!

После лестного замечания подруги о том, что она достаточно хороша для Юры Майорова, Танька огладила рукой волосы, туго стянутые на затылке черной аптечной резинкой, и спросила:

– А как думаешь, может, мне постричься?

– Зачем? – испугалась Лана, но тут же выдала свой испуг за удивление: – Ты же понравилась Юрке с хвостиком, зачем же стричься?!

– Ну... может быть, я стану еще привлекательней, и он все же сам решится ко мне подойти...

Это в Ланины планы не входило. Становиться лучше, чем есть на сегодняшний день, Таньке не стоит. Вдруг и правда у Майорова проснется к ней особый интерес, который потом будет никак и ничем не перебить?

– Я тебе предлагаю не тратить времени на стрижку, на которую Майоров еще неизвестно как отреагирует, а сегодня же вечером позвонить ему и пригласить прогуляться вечером, благо погода еще стоит теплая, – быстро откликнулась Лана и добавила: – А Юркин телефон я сейчас же узнаю. Вон, видишь, Орлов как раз подходит к нашему подъезду!

Надо сказать, что до конца Лана не верила в успешность своей затеи. Все-таки Майоров мог оказаться далеко не так прост, как Танька. Если он уже десятый год ходит по школе, не замечая Ермаковой, то с чего бы ему вдруг ни с того ни с сего посмотреть на нее другими глазами! Конечно, Танькин смелый шаг, на который ее Лана же и подталкивает, может сыграть положительную роль, но вовсе не обязательно. Кроме того, у Юры, вполне возможно, есть девушка за пределами их учебного заведения. Не зря ведь в собственной школе он ни на кого не смотрит. Мысль о другой девушке показалась Лане до того неприятной, что ее передернуло, будто пришлось выпить горячего молока с отвратительными пенками, и она поспешила к дому вслед за Орловым.

– Ну и каков результат-то?! – нетерпеливо перебила Ермакову Лана, поскольку та слишком затянула рассказ о том, как долго набиралась смелости для звонка Майорову.

– Результат очень даже хороший! – счастливо пропела Танька. – Сегодня в 18.00 мы встречаемся с ним в городском саду возле танцплощадки!

– Так сегодня же вторник! А во вторник не бывает танцев! – выкрикнула Лана, которая тут же пожалела о том, что сама все это устроила, и теперь встречаться с Майоровым будет не она, а какая-то бестолковая Танька Ермакова.

– Это и хорошо! Нам пока танцы не нужны! Нам поговорить надо.

Лане вдруг стало трудно дышать. Они собираются разговаривать... Они же до такого договориться могут, что... С другой стороны, не этого ли она и хотела? Да! Именно этого! И хорошо, что сегодня нет танцулек! Еще не хватало, чтобы Юра обнял Таньку во время медленного танца! Этой дуре ведь непременно придет в голову как-нибудь интимно прижаться к нему, и результат ее телодвижения может стать совершенно непредсказуемым. Все-таки Танька очень фигуристая...

– Интересно, и о чем же ты будешь говорить с Майоровым? – спросила Лана, неожиданно для себя вложив в интонацию столько яду, что он, казалось, мог закапать прямо из телефонной трубки, которую Ермакова прижимала к уху.

Явно счастливая Танька никакой язвительности в словах подруги не заметила и доверительно прошептала:

– Ой, не знаю еще, Ланка... Я так волнуюсь... Прямо не могу...

– Не волнуйся! – покровительственным тоном отозвалась Кондратенко, как-то сразу успокоившись. Похоже, эта глупышка Танька станет держать ее в курсе всего, а потому именно она, Лана, будет продолжать руководить подругой, как куклой-марионеткой. Пожалуй, нужно срочно посоветовать Таньке тему для разговора, которая заинтересует Майорова, но не делает интерес к ней чрезмерным. Лана чуть призадумалась и выдала: – Ты начни с того, куда собираешься поступать после школы. Расспроси про его намерения. Для выпускников эта тема самая беспроектная!

Танька с большим воодушевлением ухватила за предложение подруги, рассыпалась в благодарностях и быстро попрощалась, а Лана еще долго стояла возле столика с телефоном, бессмысленно прижимая к уху трубку, исходящую короткими гудками. Она смогла очнуться только тогда, когда мозг, измученный впивающимися в него через равные промежутки раздражающими звуками, послал обратный сигнал sos. Девушка сначала вздрогнула, потом с непри-

язненной гримасой резко бросила трубку и опустилась на диван. Именно в этот момент Лана осознала, что запущенный ею механизм вряд ли можно будет остановить именно в тот момент, когда она посчитает нужным. Теперь двое – Ермакова и Майоров – станут крутить педали или штурвал, пока не надоест. Можно, конечно, начать вставлять им палки в колеса... Впрочем, не стоит заранее думать о худшем. Все еще только началось.

Весь последующий вечер Лана не находила себе места. Она так часто появлялась на кухне, чтобы то налить чаю, то что-нибудь отыскать в холодильнике и съесть, потом опять запить, потом снова что-то сгрызть, что мать в конце концов оторвалась от глажки постельного белья и недовольно сказала:

– Хватит кусочничать! Сейчас картошку разогрею! – и, оставив в сторону утюг, направилась к плите.

Лана не хотела ни есть, ни пить. Она просто нервничала. Представляла, как Танька с Юрой Майоровым гуляют по вечерним улицам, и ей делалось самым натуральным образом плохо: во рту пересыхало, сердце билось так учащенно, как позволяло себе раньше только тогда, когда девушка сильно пугалась. А разве она пугается? Ерунда какая... Чего это ей пугаться? А может быть, и не ерунда... А вдруг Танька на самом деле понравится Юре! И что тогда? Нет... не может она понравиться до такой степени, чтобы... А до какой степени она должна ему понравиться? Уж на эту степень она, Лана, повлиять никак не может...

Заставив себя проглотить ужин и почти не почувствовав его вкуса, Лана села на диван поближе к телефону и стала ждать девяти часов вечера, чтобы позвонить подруге и узнать, как дела. Почему она назначила в качестве контрольного часа для Танькиного возвращения домой 21.00, Лана и сама не знала. Просто решила, что трех часов – с шести до девяти – для первого свидания вполне достаточно.

Не дождавшись до девяти часов каких-то жалких пяти минут, девушка подняла трубку – пальцы враз стали липкими – и набрала номер Ермаковой. Нина Михайловна, мать подруги, узнав Лану по голосу, приветливо поздоровалась и сказала, что Танечка еще не вернулась с прогулки.

Через полчаса Лана позвонила Таньке домой еще раз. Ее так и не было. Не оказалось подруги дома и в 22.00, и в 22.30 и даже в 23.00. В 23.30 Лана звонить не посмела, поскольку уже в одиннадцать в голосе Нины Михайловны чувствовались явное недовольство настырностью Ланы и тревога по поводу того, куда провалилась ненаглядная доченька.

Спать Лана не могла. Она ругала себя самыми ужасными словами за то, что сама подтолкнула Таньку к молодому человеку, одни только мысли о котором вызывают у нее странную дрожь в руках и непонятное теснение в груди. Вот зачем она это сделала?! Чтобы Юра ночи напролет гулял не с ней, а с простушкой Танькой Ермаковой? Нет, конечно! Разве ж можно было предположить, что красавец Майоров готов пойти на прогулку с любой... с первой попавшейся... да еще и где-то находиться с ней аж после 23.00? Нет, не так... пойти-то он, конечно, должен был... Как раз это Лана и запланировала, но... но... В общем, надо же всему знать меру!!!

Когда прозвенел будильник, Лана с трудом вынырнула из тяжелого липкого сна, который ее все же сморил под самое утро. Прихлопнув будильник неверной рукой, она чертыхнулась и решила поспать еще. Пропавши она пропадом, физика, а заодно и физкультура, которая в сегодняшнем расписании стоит вторым уроком! Да и вообще, если сегодня в школу не пойти, ничего страшного не случится.

Девушка снова улеглась в постель, уютно обернувшись одеялом, но тут же так резко села на диване, что подушка свалилась на пол. Как это не случится?! Еще как случится! Если она не будет держать ситуацию под контролем, эта несносная Танька привяжет Майорова к себе на веки вечные! Как-то она ведь умудрилась задержать Юру на первом же свидании почти до самой ночи! Прыткой девицей оказалась! А разве ж можно было такое о ней подумать?!

Лана собралась в школу быстрее обыкновенного. На нервной почве завтракать ей совершенно не хотелось. Она покидала в сумку учебники и тетрадки, которые с вечера в полном беспорядке валялись на письменном столе, тремя быстрыми движениями расчесала волосы, завязала их в два хвоста над ушами и вылетела из дома. Уже на лестнице заметила, что на коричневое форменное платье не надела передник, но решила не возвращаться – дурная примета.

– Ты, Кондратенко, не по форме одета! – сказала Галка Нестерова из десятого «А», который в этот день дежурил по школе. Вместе с одноклассником Мишкой Григорьевым Нестерова стояла на самом престижном посту – у входных дверей школы, чем очень гордилась. Этот пост был хорош тем, что можно отыгаться на всех своих школьных врагах и недругах, а также, если надо, заслужить приязнь тех, с кем хотелось бы подружиться. Недруга можно, например, не пустить в школу без сменной обуви или отправить домой за галстуком. А какого-нибудь уважаемого в школе человека пропустить даже без дневника.

– Отстань, – равнодушно бросила Галке Лана, – у меня платье нормальное...

Она попыталась, чуть отодвинув Нестерову рукой, проскользнуть в дверь школы, но дежурная с красной повязкой на рукаве стояла неколебимо.

– Платье платьем, а передника нет! – строго сказала она.

– Ну и что?!

– А то, что на тебе еще и комсомольского значка не видно! Комсомолка называется!

Лана автоматически провела рукой по груди. Конечно, значка нет. Он ведь приколот к переднику, который остался висеть на стуле. Вот влипла... Да, без значка как-то не того... Неужели придется идти домой? А Танька тем временем...

Лана не успела придумать, что в ее отсутствие может случиться с Ермаковой, потому что, обернувшись, увидела подругу собственной персоной. И не одну. Непринужденно болтая с Юрой Майоровым, она подходила к крыльцу школы. Это зрелище произвело неизгладимое впечатление и на строгую дежурную Нестерову, чего Лана, не сводящая глаз с явно счастливой пары, заметить не могла. А все лицо и шея Галины Нестеровой между тем моментально покрылись красными пятнами с неприятно рваными краями. Тем не менее девушка взяла себя в руки и, загородив вход в школу, обратилась к спутнику Ермаковой:

– Опаздываешь, да?!! Кто за тебя, Майоров, будет дежурить?! Пушкин?!

– О-о-ох... – протянул Юра. – Совсем из головы вон... Сейчас еще и Антонина привяжется...

– Еще бы тебе не забыть! – многозначительно произнесла Галка, кивая на Ермакову. – У тебя голова совершенно другим забита!

Несмотря на то, что Лане очень хотелось досмотреть до конца, она решила все же проскользнуть в школу, пока бдительная Нестерова занята Юрой, который ей явно очень нравится. Она осторожно зашла за Галкину спину и нырнула в дверной проем. Второму дежурному, Мишке Григорьеву, абсолютно не до нарушителей школьных порядков – он сосредоточенно читает учебник химии, которая, скорее всего, будет у них первым уроком. Лана беспрепятственно прошла вестибюль с гардеробом, где мало кто задерживался, поскольку верхнюю одежду еще не надевали: сентябрь стоял по-летнему теплым. На втором посту у лестницы – два известных разгильдяя из десятого «А», Николаев с Дударевым. Им даже в ум не пришло требовать у Ланы Кондратенко предъявления школьного передника с комсомольским значком, поскольку они были заняты тем, что прилаживали красные повязки на коленки своих длинных ног.

– Ну! Рассказывай! – с такими словами Лана бросилась к Таньке, когда та наконец появилась в рекреации у кабинета физики. – Что? Как?

Ермакова томно улыбнулась и послала подруге взгляд, который Лана определила бы как взрослый. Танька, казалось, со вчерашнего вечера знает уже что-то такое, что другим одноклассницам еще неведомо и, возможно, даже недоступно. Неужели они с Майоровым гуляли всю ночь? Нет, этого не может быть...

– Хорош улыбаться! – уже зло сказала Лана и потребовала: – Выкладывай все по порядку! Уж я-то имею право знать все!

Танька наградила ее еще одним взглядом, который показался Лане неприятно снисходительным, и ответила:

– Вот интересно, почему ты считаешь, что имеешь право лезть в мою личную жизнь?! Она на то и личная, что на нее никто, кроме меня, не имеет никакого права!

– Да?!!

– Да!

– Танька! Побойся бога! – Лана так возмутилась, что последним словом даже поперхнулась, а потому вынуждена была некоторое время откашливаться. Сквозь этот кашель она слышала Танькино невозмутимое:

– Никакого бога нет, и ты это прекрасно знаешь!

– Ладно, оставим это для диспута в кружке атеистов! У нас с тобой совершенно другие проблемы!

– Это ж какие?! У меня проблем нет!

– Нет?!

– Нет!

– А как же Майоров?

– А с Майоровым у меня все в порядке!

– За это ты должна мне спасибо сказать! – прокричала Лана, да так громко, что идущая мимо них завуч остановилась и со своими особыми наставительно-покровительственными интонациями произнесла:

– Девочки! Что за шум?! Вы же в школе!

– Да-да, мы будем тише... – Лана кивнула завучу и потащила подругу к одному из окон, возле которого никто из школьников не кучковался. Бросив сумку на подоконник, она уперла руки в бока и, глядя на Ермакову почти с ненавистью, чуть переиначила уже сказанное: – За то, что у тебя с Майоровым все в порядке, ты же меня должна благодарить!

Танька как-то странно выдохнула и ответила:

– Да с какой стати я должна благодарить тебя за то, что нравлюсь Майорову?! Ты сама-то подумай!

Лана почувствовала, как щеки запылали жаром. Наверняка она стала красной, как пионерский галстук, что ее украсить никак не могло. Но сейчас было не до этого.

– А с той стати, что это именно я предложила тебе позвонить Майорову и даже достала для тебя номер его телефона! – с возмущением продолжила она. – Разве нет?!

– Ну и что?! – презрительно выдала Танька. – Мы и без твоего участия стали бы встречаться! Ну... разве что чуть позже!

– Чуть позже?! Да ты вчера утром еще даже не думала о Майорове!

– Как это не думала?! Он мне всегда нравился!

– Да?! Всегда?! Может, еще скажешь, что прямо с первого класса!

– Ну... не с первого, конечно, но уже... достаточно давно...

– И с какого же времени? Ну-ка, назови! – Теперь Лана скрестила руки на груди и уставилась немигающим взором на Ермакову. Она не сможет назвать другое время! Не сможет! Ведь это она, Лана, заварила кашу, которую теперь, похоже, хлебать и хлебать.

– Я... мы... – замялась Танька, которая, судя по горящим решимостью глазам, легко сдаваться не собиралась. – В общем, есть вещи, которые нельзя определить словами, понятно! Юра мне давно нравился!

– И ты молчала?!

– Да, молчала! А почему я должна звонить о своих чувствах на каждом углу?!

– Ну, мне-то могла бы сказать! Мы ж подруги! Почему ж не сказала?!

– Потому что... в общем... потому что это мое личное дело...

– И вовсе не поэтому! – У Ланы на нервной почве самым неприятным образом зачесалась шея. Она несколько раз провела по ней ногтями, и над кружевным белым воротником-стойкой форменного платья возникли красные полосы.

– А почему же?! – раздраженно отозвалась Ермакова.

– Да потому что я сама это придумала!

– Что придумала-то?!

– Да то, что тебе нравится Майоров! А еще то, будто он на тебя смотрит! Он на тебя никогда в жизни не смотрел!

Танька взглянула на подругу с большим сожалением, как на неожиданно сошедшую с ума прямо у нее на глазах, и уже очень тихо сказала:

– По-моему, ты мне просто завидуешь...

– Завидую?! – переспросила Лана, глядя на нее с настоящей ненавистью. Она хотела сказать что-нибудь уничижительное, но тут же решила с этим утверждением согласиться: – Да! Завидую! Потому что с Юрой должна встречаться я, а не ты!

Ермакова хотела что-то ответить, но Лана ей не позволила. Она бесцеремонно перебила подругу:

– Так вот, Танька, имей в виду, что мне самой нравится Майоров! И в отличие от тебя, скороспелки, действительно давно! И, скорее всего, слово «нравится» – неподходящее! Я люблю его, Танька! И именно поэтому придумала вас познакомить, чтобы через тебя как-то самой с ним подружиться! Да! Да! – опять перебила она подругу. – Я знаю, что ты хочешь сказать! Пусть мое поведение некрасиво, но зато я не выдумываю себе чувства, как ты! А тебя я просто убедила в том, что он тебе нравится! Ты чересчур внушаемая, Ермакова! Я тебя дергала за веревочки, как куклу, а ты делала всего лишь то, что я запланировала!

– Врешь... – прошипела Танька, которая, в отличие от раскрасневшейся Ланы, побледнела до синевы.

– Не вру! Спроси Юру сама, смотрел он на тебя хоть когда-нибудь до вчерашнего дня или нет?!

Ермакова сглотнула нервный ком и вдруг сказала то, чего Лане совсем не хотелось бы слышать:

– Что ж... возможно, все так и было, как ты говоришь... но... Словом, теперь все по-другому... не так, как ты задумывала. Юра заинтересовался мной, а я – им... И если ты утверждаешь, что наше знакомство – твоих рук дело, то можешь этим и утешиться. Могу тебе даже спасибо сказать. Кажется, ты этого хотела... А все остальное тебе не изменить, как бы ты ни дергала за свои веревочки... Мы понравились друг другу... и... и сегодня вечером у нас опять свидание!

Выговорив это, Танька одарила подругу очередным непонятым взглядом, но ничего не сказала. Именно в этот момент прозвенел звонок на урок. Ермакова сделала шаг к кабинету физики, но Кондратенко остановила ее фразой:

– Значит, война?

Танька вздрогнула, повернула к Лане все еще очень бледное лицо и спросила:

– Ты это серьезно?

Одноклассница кивнула и ответила:

– Да, Таня. Более чем серьезно! Я люблю Майорова! Из-за этой любви сделала непрости-
тельную глупость, да... Но сдаваться не собираюсь. Может быть, ты откажешься от Юры по
доброй воле? Все же твоим чувствам, если они и впрямь возникли, всего лишь второй день...

Ермакова отрицательно покачала головой и быстро пошла к кабинету физики.

– Ну... как хочешь! Я тебя предупредила! – бросила ей в спину Лана и зло добавила: –
Таким образом, у меня развязаны руки! Начинаю военные действия!

Танька не обернулась и не ответила. Лана поняла, что подруги у нее больше нет, но совер-
шенно не огорчилась. У нее есть ее любовь, а это куда важнее дружбы. Пусть она, любовь, пока
не разделенная, но это временно! Не простушке Таньке тягаться с ней, Ланой!

Физичка затеяла самостоятельную работу по решению задач. Лана не могла решить ни
одной. Она думала только о том, что время теперь работает против нее. Чем дольше Танька
будет с Юрой, тем крепче он к ней привяжется и тем труднее станет его от нее оторвать. Хотя...
можно посмотреть на дело с другой стороны: чем дольше он с Ермаковой, тем быстрее убе-
дится, что она ему совершенно не подходит. Ведь именно на этом и строился весь расчет. Да, но
была еще и уверенность в том, что Танька их познакомит, и тогда на фоне ее, Ланы... Но теперь
такого никак не случится... Бывшая подруга их никогда не познакомит... Да... бывшая... ну
и пусть! Без подруг вполне можно обойтись! На что они?! Только завидовать, путаться под
ногами и переходить дорогу!

Когда прозвенел звонок с урока, Лана сунула в сумку скомканный двойной листок в
клетку, на котором были написаны только ее фамилия, класс и «Задача № 1. Дано...» Что такое
пара по физике по сравнению с крахом любви! А может, еще вовсе и не крах?! Может, дело
поправимо? А что?! Главное – не опоздать! Главное – найти Майорова сейчас, на перемене,
и во всем признаться! Главное – успеть вперед Таньки! А это вполне возможно, потому что
Ермакова все еще сидит за партой и, закусив от усердия губу, продолжает решать последнюю
задачу. Ну что ж, кому задача важнее, а кому – любовь!

Первым делом Лана бросилась на первый этаж к расписанию, чтобы узнать, какой пред-
мет у «ашек» вторым уроком. Потом птицей взлетела на третий этаж к кабинету математики и
тут же увидела Майорова, который, приложив тетрадь к стене коридора, записывал в нее что-
то тригонометрическое. Лана успела заметить длинный ряд синусов и косинусов. Боясь пере-
думать и убежать, она подошла к нему и сказала:

– Мне срочно надо с тобой поговорить!

Майоров оторвался от тетради, посмотрел на Лану полубессмысленными от синусов гла-
зами, потом тряхнул головой, видимо, чтобы освободиться от тригонометрии, и переспросил:

– Что?

– Мне срочно надо с тобой поговорить! – повторила Лана.

– Прямо сейчас? – опять спросил Юра, с сожалением глядя на тетрадь, где так и не допи-
сал решение примера.

Лана успела подумать, что он, этот пример, наверняка из домашнего задания, которое
Майоров не успел сделать, потому что весь вчерашний вечер гулял с Танькой Ермаковой, и
решительно произнесла:

– Да! Именно сейчас!

Юра закрыл тетрадь, пожал плечами и сказал:

– Ну... я тебя слушаю...

Лана хотела увести его с собой в более безлюдное место, но, обернувшись, увидела
Таньку, которая с безумным лицом спешила к ним, жестоко расталкивая локтями школьный
народ, заполнивший весь узкий коридорчик у кабинетов математики и химии. И Лана реши-
лась. Она посмотрела Майорову в глаза и тихо, но четко произнесла:

– Я тебя люблю.

Юра выронил тетрадь со своими синусами и ошалело уставился на Лану. Именно в этот момент подбежала запыхавшаяся Ермакова, и перед бедным Майоровым теперь стояли две девушки, смотрящие на него горящими глазами и ждущие ответа. Впрочем, Танька долго ждать не могла. Она громко крикнула:

– Не верь ей, Юра! Все было не так, как она рассказывает!

Учащиеся десятого «А», которые пришли на математику, и девятого «В», толпящиеся перед кабинетом химии, тут же побросали все свои дела и уставились на троицу во главе с Майоровым, переговоры внутри которой обещали быть интересными. Их ожидания тут же оправдались.

– Вовсе не она все придумала! На самом деле ты давно мне нравился! С самого... с пятого класса... вот! – чуть запнувшись, выпалила Танька, не обращая внимания на Юриных одноклассников, которые тут же их окружили, мешая менее рослым ученикам девятого «В».

Лане очень хотелось выкрикнуть, что Ермакова все врет, что до вчерашнего дня она даже не думала о Юре, наоборот, заглядывалась на их одноклассника Семенова и находила, что у того красивые глаза, но промолчала. Ей сейчас казалось вовсе неважным принижение Таньки. Важным было лишь то, что она любит Юру, и он должен это знать. И она опять тихо, но не менее четко произнесла, по-прежнему глядя только в его глаза и не обращая внимания ни на кого вокруг:

– Я тебя люблю.

В толпе присвистнули. Кое-кто хихикнул, но его тут же заткнули, чтобы представление не было испорчено. Никто даже не заметил, как в толпу приятно развлекающихся перед уроком, словно нож в масло, вошла математичка и одновременно классная руководительница десятого «А» Антонина Кузьминична. А между тем Ермакова из десятого «Б» опять крикнула на весь коридорчик:

– Это я тебя люблю, Юра! А она все врет! Специально! Чтобы все у нас с тобой расстроить! Из зависти!

Именно в этот момент Майоров наконец заметил, что он с двумя девушками находится будто на арене цирка, что на них устремлены более двух десятков глаз. Первым его желанием было провалиться сквозь пол на второй этаж и дать деру из школы. Но поскольку такой финт неосуществим, он схватил за руку Лану Кондратенко из десятого «Б», намереваясь с ней вместе пробиться сквозь толпу и даже проигнорировать тригонометрию, к которой вчера не подготовился, да и сегодня не успел дорешать пример. Он так и сделал бы, если бы не вмешалась классная руководительница.

– Куда?! – гаркнула она во всю мощь своих натренированных за долгую школьную жизнь легких. – Устроили тут шабаш, а теперь хотите отвертеться?! Не выйдет! А ну марш за мной! Все трое!!!

В толпе опять присвистнули, уже сочувствующе.

– А тот, кто свистит в школе, рискует попасть к директору вместе с этой троицей! – еще громче рявкнула Антонина Кузьминична, и в коридорчике воцарилась мертвая тишина. И сквозь эту тишину заслуженный работник народного образования повела трех учащихся выпускных классов в кабинет директора, вход в который, к счастью, находился буквально напротив, а потому никто из провинившихся не смог бы сбежать, если бы даже и посмел.

– Вот, полюбуйтесь, Лидия Ивановна, на наших выпускников! – с большим пафосом произнесла математичка. – У них даже в головах нет того, чтобы учиться, учиться и еще раз учиться, чтобы хорошо сдать выпускные экзамены и поступить в институты! Они совершенно другим заняты!

– И чем же они заняты? – осторожно спросила директриса, сняв очки и не менее осторожно положив их перед собой на стол.

Антонина Кузьминична несколько опешила, потому что сразу не смогла сообразить, как по форме доложить, что вытворяли эти дети. Поскольку пауза неприлично затягивалась, пришлось говорить как получится:

– Они... они... вы даже не можете себе представить, Лидия Ивановна, что они выделяли... В общем... они... при других детях... кричали друг другу... про якобы любовь... А вокруг – толпа, а они: «я тебя люблю» да «я тебя люблю»! И, главное, никого не стыдятся, будто так и надо! А у десятиклассников впереди тригонометрия! Как им после этого решать примеры?! Да и вообще, это же позор! Это же происходит не где-нибудь, а в советской школе! – Сообразив наконец, что радеет о престиже как родной школы, так и всех советских школ вообще, Антонина Кузьминична настолько приободрилась, что перестала мямлить, тянуть кота за хвост и даже позволила себе предупредить директрису о возможных последствиях разнужданного поведения отдельных представителей вверенного ей коллектива учащихся. – Вы только представьте, что будет, если кто-то донесет об этом чудовищном происшествии в роно! Или, например, в райком комсомола! А доброжелатели всегда найдутся! Вы уж мне поверьте! Я уже двадцать лет в образовании!

С чувством до конца выполненного долга Антонина Кузьминична опустила на стул, вытащила из кармана строгого учительского сарафана носовой платок и даже демонстративно утерла со лба так и не выступивший пот, дабы еще раз дать всем понять, как серьезно создавшееся положение. В это время прозвенел звонок на урок. Директриса освобожденно вздохнула и сказала, обращаясь к бдительной математичке:

– Вы... идите, Антонина Кузьминична... У вас, кажется, тригонометрия у десятиклассников?

– Да, но... – начала было возражать учительница, которая посчитала для себя оскорбительным, что ее так вот запросто выгоняют с поля боя, где она могла бы еще себя проявить огого как. Да и вообще, хотелось бы знать, какое заслуженное наказание понесут вовремя отловленные ею нарушители приличий.

– Идите! – Директриса не дала ей закончить, а в голосе уже зазвенел металл.

– Ну... как хотите... – Антонина Кузьминична развела руками, что означало: она их умывает и за последствия уже не несет никакой ответственности.

Когда за учительницей математики захлопнулась дверь, Лидия Ивановна посмотрела на застывших статуями десятиклассников и сказала:

– Свои чувства надо уметь держать при себе. Не стоит их демонстрировать посторонним.

Поскольку ответа от юношества не последовало, директриса обратилась к Ермаковой из десятого «Б», которая стояла к ней ближе всего:

– Ну, что скажешь, Татьяна?

– Я ничего не демонстрировала, – сквозь зубы ответила та.

– Ничего?

– Ничего!

– То есть Антонина Кузьминична все сочинила?

– Сочинила... да...

– Зачем?

– Не знаю.

– То есть о любви ты не кричала?

– Нет. – Отвечая директрисе, Ермакова, почти не мигая, смотрела строго в стену, в просвет между портретом Владимира Ильича Ленина и грамотой, полученной школой по результатам проверки наглядной агитации.

– То есть любви в твоём сердце нет? – опять зачем-то спросила директриса, которая вдруг вспомнила себя семнадцатилетней, свою сумасшедшую влюбленность в одноклассника Вальку Соболева.

– Нет, – опять четко отрапортовала Ермакова, все так же глядя в стену.

Лидия Ивановна нацепила на нос очки, потом опять их сняла, подергала дужку, которая подозрительно оттопырилась в сторону, не нашла в ней никаких изъянов и сказала:

– Тогда иди, Таня, на урок.

Ермакова произвела разворот на сто восемьдесят градусов, как учили на уроках военного дела, и, чуть ли не печатая шаг, покинула кабинет директора, которая в этот момент некстати подумала, что Ермакова неплохо бы смотрелась рядом со знаменем комсомольской организации школы. Пожалуй, во время празднования очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции стоит включить Татьяну в знаменную группу. А с другой стороны, под знамя встанет Вадик Тимофеев из девятого «В». Он рослый, красивый и серьезный. А знаменосцем, между прочим, можно было бы сделать этого Майорова, если бы он не вляпался в любовь, которую так некстати выявила у него Антонина Кузьминична. Директриса опять отложила очки с оттопырившейся дужкой и, заставив себя оторваться от насущных дел, обратилась к Кондратенко:

– Ну, а ты что скажешь, Светлана? У тебя тоже любви ни в одном глазу?

Кондратенко посмотрела на нее совершенно больными глазами и еле слышно прошептала:

– Я люблю его... Лидия Ивановна...

Директор школы заметила, какой горящий взгляд при этом бросил на девушку Юра Майоров, и опять вспомнила своего Вальку Соболева, любовь с которым у нее так и не состоялась. Может, у этих двоих получится? Пожалуй, Майорова можно ни о чем не спрашивать. Или все же спросить? Мужчина, поди... А вдруг еще не мужчина? Вдруг тоже откажется от всего, как Ермакова? Ну... пусть откажется, зато Светланка увидит его во всей красе и, возможно, излечится от своей любви.

– Тебе есть, что сказать, Майоров? – обратилась она к молодому человеку.

Тот как-то неопределенно кивнул.

«Ну, держись, Кондратенко!» – подумала Лидия Ивановна и предложила Юре:

– Тогда говори.

Майоров нервно сглотнул, но сказал вполне членораздельно и даже достаточно громко:

– Я тоже ее... люблю...

Лана вздрогнула и уставилась на Юру глазами, в которых заплескалось удивление. Лидия Ивановна поняла, что вовсе не так просты отношения в этом любовном треугольнике, как пытались ей представить, но решила не вмешиваться. Если бы не взрослые, то ее любовь с Соболевым в свое время вполне могла бы состояться. И кто знает, может, она и сейчас была бы счастлива, а не мучилась со своим Веней, который чуть ли не раз в квартал впадает в жестокий недельный запой. Лидия Ивановна тяжело вздохнула, потому что ей вдруг захотелось бросить свои очки прямо в стену между портретом Ильича и недавно полученной грамотой за хорошую наглядность и с чувством, в голос разрыдаться. Вместо этого она проверила пальцами, не выкатилась ли из какого-нибудь глаза предательская слеза, и, не обнаружив оной, сказала:

– Значит, так: вы сейчас идете в свои классы на уроки, и с этой минуты прекращаете проявлять свои чувства там, где не положено. Да и вообще... поменьше их проявляйте на виду у всех. Любовь – дело двоих...

Лидия Ивановна чуть не сказала «дело интимное», но вовремя спохватилась. Не дай бог, эти дети воспримут ее слова буквально и перейдут к настоящему интиму, а отвечать потом ей. Скажут еще, что директор разрешила. С них станется... Да еще как-то надо будет вывернуться в разговоре с Антониной Кузьминичной. Непременно на следующей же перемене явится узнавать, какое наказание понесли преступники. Дай ей волю, так она бы показательный суд устроила.

Надо бы еще попенять Кондратенко за то, что ходит без фартука, но... пусть, пожалуй, немножко походит... Чем ближе выпуск, тем сильнее девчонкам хочется избавиться от школьной формы. Вот только без комсомольского значка ходить негоже... негоже... Но что уж теперь... не возвращать же девчонку ради этого значка. Кабинет директора у школьников положительных эмоций не вызывает.

– Ты... конечно... просто так это сказал... – пролепетала Лана, когда они с Юрой Майоровым вместо уроков, на которые их послала директриса, оказались в школьном яблоневом саду, раскинувшемся на берегу тихой и живописной речки Калинки. – Чтобы не меня одну Лидия Ивановна стыдила... да?

– Нет, – ответил Юра. – Это правда.

– Но... это же не может быть правдой! Ты же... вы же... тебе же Таня Ермакова нравится... вы же встречаетесь...

Майоров как-то невесело усмехнулся и ответил:

– Всего-то один раз встретились, да и то...

– Что «и то»? – не могла не ухватиться за соломинку Лана. Может быть, Танька ему все же не понравилась...

– Честно говоря, когда Ермакова мне предложила встретиться, я сразу подумал о тебе.

– Как это обо мне?

– Ну... так... Мне очень хотелось к тебе подойти, но я все не решался, а тут Татьяна... Я же знаю, что вы подруги, вот и подумал, что через нее мне будет легче познакомиться с тобой...

– Не может быть... – прошептала изумленная Лана.

– Почему же вдруг не может? Это так и есть!

– Но ты ведь никогда на меня даже не смотрел! Другие смотрели, я видела... чувствовала... А ты – никогда...

– Я тоже смотрел... – Юра улыбнулся одними уголками губ. – На тебя невозможно не смотреть... Но я старался, чтобы ты не замечала этого.

– Но почему?!!

– Сам не знаю... Стеснялся как-то... переживал... мучился...

– Глупость какая! – вскричала Лана.

– Да, наверно... – согласился Юра. – Но уж так получилось...

Лана сорвала травинку, закусила ее, но тут же выплюнула: сентябрьская трава была жесткой, горьковатой, с неприятным металлическим привкусом. Девушка прислонилась спиной к стволу яблони, все яблоки с которой уже перекочевали в школьную столовую, и сказала:

– Ты даже не представляешь, Юра, насколько одинаково мы с тобой мыслили! – И сказала, как подслала к нему подругу.

– Не может быть! – в свою очередь изумился Юра. – То есть выходит, что на самом деле Татьяна сказала правду в кабинете директора? Ей нет до меня никакого дела? – И поторопился добавить: – Да это же просто здорово!

– Не уверена в этом... – Лана сокрушенно покачала головой. – Мне кажется, ты ей понравился. Впрочем, нет! Не кажется! Она умудрилась влюбиться в тебя по моему заказу! Так вот получилось...

– Мне кажется, что это невозможно – влюбиться по заказу, – усомнился Майоров.

– Если бы кто-то мне об этом рассказал, я бы тоже не поверила, но, к сожалению, все произошло именно так.

– Но ведь она только что отказалась от меня. Может быть, как накатило, так и прошло?

– Не знаю... Опять-таки не уверена. Думаю, Танька просто испугалась директрисы.

– Так Лидия вроде бы с самого начала была настроена миролюбиво. Тебе так не показалось?

– Пожалуй... Но с вашей классной лучше не связываться!

– С Антониной-то? Да... Она мне еще покажет, где раки зимуют...

– Боишься? – Лана вскинула на Майорова глаза с расширившимися зрачками. От того, что он сейчас скажет, зависит все. Что именно «все», девушка не знала, но они уже столько времени проговорили не о том, что пора было переходить к собственным чувствам.

Юра прижался боком к Ланиной яблоне и сказал девушке в самое ухо:

– Мне ничего не страшно, особенно теперь...

– Теперь? – повторила она с вопросительной интонацией, чтобы Майоров начал наконец говорить о том, чего так ждала ее душа. И он начал:

– Да, именно теперь, когда ты со мной... Ты ведь будешь со мной?

Лана еле выдохнула ответное «да». Она боялась его спугнуть. Он должен говорить дальше. И Юра, конечно же, продолжил:

– Ты мне очень нравишься...

– В кабинете у Лидии ты сказал другое... Повторить можешь?

– Могу... – Юра несколько замялся, а потом все же проговорил странным срывающимся голосом: – Я... я люблю тебя, Лана... Наверно, правильно это называется так... Мы, конечно, совсем не знаем друг друга, а говорят, чтобы полюбить, надо... – Он запнулся, и Лана тут же горячо то ли подхватила, то ли возразила:

– На самом деле никто не знает, что надо и как надо! Это я так думаю! Любовь, мне кажется, приходит к людям независимо от того, надо это или не надо... правильно это или нет... съели они вместе семь пудов соли или не съели... Знаешь, мне даже кажется, что эти самые пуды надо есть для дружбы... а любовь... она просто так дается...

– Я же не возражаю, – откликнулся Майоров и протянул руку к Ланиной щеке. Она с готовностью прижалась к ней. Молодой человек притянул голову девушки к себе и нежно поцеловал в висок.

Лана повернула лицо к Юре и долго вглядывалась в его глаза, которые он не отводил. Из них на девушку смотрела сама любовь...

Еще сегодня утром Светлана Кондратенко никак не рассчитывала на то, что с ней происходит. Утром она была убита и раздавлена. А сейчас ей так хорошо, как никогда еще в жизни! Она обняла Юру Майорова за шею и прижала лицо к его груди.

* * *

– К доске пойдет... – Палец учительницы математики заскользил по списку в журнале десятого «Б». Он пробежал фамилии сверху вниз, потом снизу вверх, так ни на ком и не задержался, но его хозяйка, ничуть не расстроившись этим, произнесла, вложив в голос как можно больше суровости: – Кондратенко.

Если бы заслуженного работника народного образования с двадцатилетним стажем, Антонину Кузьмичну Чеснокову, кто-нибудь спросил, за что она так возненавидела десятиклассницу Светлану Кондратенко, в ответ она плюнула бы тому в лицо. Она ко всем своим ученикам всегда относилась ровно. У нее никогда не было ни любимчиков, ни тех, кто вызывает необоримую неприязнь. Дети есть дети, и перед математикой они все равны. И тем не менее эта Светка, которую почему-то называют Ланой, ее раздражает. Вот раздражает, и все! Может, потому, что явилась свидетелем ее афронта? А скажите, кому было бы приятно, если бы ученики, которых она лично препроводила к директору для наказания, его не получили? Да никому! А после случившегося Кондратенко с Ермаковой и Майоровым могут сделать вывод, что на замечания учителя математики можно вовсе не реагировать, если сама директор школы их во внимание не принимает. А ведь этим шестнадцати-семнадцатилетним только дай волю! Только отпусти вожжи! Они ж еще в подоле принесут прямо на экзамен! И что тогда? Прощай,

первое место, которое школа держит в районе по итогам прошлого года? И кто будет виноват? Уж только не она, Антонина Кузьминична Чеснокова, которая собиралась пресечь аморалку в самом зародыше. Ее не послушались – тогда она умывает руки! Но уж на своем уроке она себе хозяйка! Географичка-директриса не сможет запретить вкатить этой Кондратенко двойку, если она ее заслужит. А она заслужит. Это ясно, как день! У нее ж голова забита всякой сентиментальщиной и романтическими бреднями, которые не к лицу комсомолке. А с этим идиотом Майоровым она поговорит еще раз. В прошлый раз он играл с ней в молчанку, думал, что на этом все и кончится! Ничего подобного! Папаша у него суровый... Такой, каким и должен быть настоящий отец. Он у него всю дурь из головы мигом вышибет. Главное, вовремя ему просигнализировать.

– Садись, Кондратенко, ничего ты не знаешь, – удовлетворенно произнесла Антонина Кузьминична, прервав нить приятных размышлений. – Неси дневник. Два.

– Но... почему? – пискнула девушка. – Что неверно-то?

Антонина Кузьминична в самом конце примера поменяла плюс на минус и, с удовольствием постукивая по доске мелком, вывела другой ответ, жирно зачеркнув написанный Светланой.

– Но ведь это... мелочь... – попыталась возразить девушка. – Ход решения-то верный...

– Ты меня еще будешь учить, что мне делать? – гаркнула Антонина Кузьминична и, развернув ученицу за плечи, подтолкнула к парте, напомнив: – Неси дневник.

В дневнике Кондратенко она вывела особенно красивую крутолобую двойку и расписалась с лихой завитушкой на конце собственной фамилии. После этого, поймав злорадный взгляд Ермаковой, устремленный на вновь испеченную двоечницу, учительница математики подумала, что жизнь – все-таки весьма неплохая штука.

После того как Антонина Кузьминична своим способом поставила на место зарвавшуюся Кондратенко, весь рабочий день у нее прошел на большом подъеме. Она провела две самостоятельные, отдежурила положенные перемены в буфете, где под ее бдительным оком никто не смел лезть без очереди за пончиками и кусками пирога «Журавлевский». Когда классная руководительница пришла на пятый урок в свой десятый «А», первым делом отобрала дневник у Майорова и, украсив его размашистой надписью красными чернилами, пригласила таким образом в школу Юриного отца. На вопрос «зачем?» ответила: «За этим, за самым!» – и тут же вызвала Майорова к доске. Придаться к его решению было невозможно, да и не нужно в принципе. Успеваемость во вверенном ей классе должна быть всегда на высоком уровне. Поставив Юре пятерку, заслуженный педагог объяснила новый материал и пригласила к доске сразу четверых, чтобы его отрабатывать. После урока, который, как всегда, прошел качественно и дисциплинированно, Антонина Кузьминична съела в школьной столовой куриный суп с лапшой, биточки с рисом, запила еду жидковатым клюквенным киселем, а потом, присев боком к старенькой обшарпанной тумбочке в учительской, проверила самостоятельные. Двоек пришлось поставить всего лишь четыре на три выпускных класса, что говорило только в пользу ее недюжинных преподавательских способностей.

И лишь когда Антонина Кузьминична, исполнив все положенное по долгу службы на текущий день, вышла на школьное крыльцо, ее хорошее настроение резко испортилось. Она знала, что так будет, и, возможно, именно поэтому столь ревностно исполняла должностные обязанности в том заведении, где ее слово весомо, если, конечно, сбросить со счетов вчерашнее фиаско в директорском кабинете. Такое бывало нечасто. Нет, не так. Такое бывало редко. Честно говоря, Антонина Кузьминична, задержавшись на крыльце, так и не смогла больше припомнить ни одного подобного случая, а потому решила им пренебречь, как иногда пренебрегают в математике значением бесконечно малой величины. Надо идти домой. Туда, где на ее слова и увещевания никто особенного внимания не обращает.

Собственно говоря, обращать на нее внимание мог только сын Женька, месяц назад вернувшийся из армии. Но он жил сам по себе. С точки зрения Антонины Кузьминичны, он вообще не жил, а существовал. Как-то странно, тягуче, непонятно и неприемлемо для нее. По утрам Женька вставал поздно, в двенадцатом часу дня шел на овощебазу, куда устроился работать то ли грузчиком, то ли просто разнорабочим. Домой являлся за полночь и сразу заваливался спать, часто даже не ужиная и не показываясь на глаза матери. Из-за старинного шифоньера, за которым стояла его раскладушка, часто потягивало перегаром, что, конечно же, не могло не волновать Антонину Кузьминичну. Она пыталась поговорить с сыном, но он в ответ на все ее вопросы и предложения либо отшучивался, либо резко прекращал разговор, давая понять, что мнение матери его нисколько не интересует. До армии он пытался поступить в университет на физмат, для чего был неплохо подготовлен, но срезался на какой-то ерунде и почти сразу загремел в армию. Нынешний Женька о поступлении в институт больше не заговаривал, плыл по жизни в том направлении, в котором она его несла, и даже, как всем казалось, был вполне доволен происходящим. Лицо у него всегда выражало удовлетворенность и спокойствие, которые с некоторых пор Антонина Кузьминична стала расценивать как равнодушие к собственной судьбе. Причин этого равнодушия она выявить не могла, изменить ситуацию – тоже, а потому последнее время, возвращаясь домой из школы, каждый раз впадала в состояние черной тоски, которое ранее ей никогда не было свойственно.

Стоя на школьном крыльце, Антонина Кузьминична как следует потрясла головой, чтобы отогнать от себя наплавзавшую тоску, но та уже успела довольно крепко присосаться к ее виску и даже обвить своими неприятно мягкими щупальцами лоб и шею. Именно в этих местах ощущался дискомфорт и даже болезненность. Антонина Кузьминична отерла рукой лоб, слегка помассировала шею, сунув руку за воротник сиреневого кримпленового пиджака, и отправилась в магазин. Решила купить продуктов для пирогов с капустой, которые Женька особенно уважает. Ей хотелось сделать для сына что-нибудь приятное, чтобы на его лице появилось наконец выражение радости, которую она уже почти отчаялась увидеть.

Когда Антонина Кузьминична, нагруженная килограммовым пакетом с мукой, крупным кочаном капусты, бутылкой молока и прочим товаром, необходимым для пирогов, не без труда открыла дверь и зашла в квартиру, то сразу же почувствовала чье-то присутствие и испугалась до обмякших в ватные столбы ног. Женька уже должен уйти на свою овощебазу, а потому находиться в их скромном жилище больше некому. Неужели воры? А что?! Вчера в очереди за китайскими махровыми полотенцами тетки как раз судачили о том, что на прошлой неделе заезжие гастролеры прошлись по Привокзальной улице и обчистили квартир шесть. А что, если эти самые гастролеры, обрадованные легкой добычей, решили прошвырнуться и по центру их Дольска? Вот ведь десять раз уже просила Женьку поставить второй замок, а он только отмахивался. Дождались!

Антонина Кузьминична осторожно и совершенно беззвучно опустила тяжелые кошелки на пол узенького коридорчика, потом выпростала из одной литровую бутылку молока, перевернула ее вниз горлышком, и, держа, как булаву Ильи Муромца, стала потихоньку продвигаться к комнате. Дверь в нее была закрыта, что тоже не соответствовало уставу их с Женькой жизни. Антонина Кузьминична задержала в недрах организма воздух и решительно рванула на себя дверь. При этом бутылочная булава сама собой вознеслась над головой женщины, а кисть, ее сжимающая, закаменела. Не поздоровилось бы и самому Соловью-разбойнику, если бы он вздумал свить гнездо в квартире советской учительницы математики.

Разумеется, в комнате не оказалось ни Соловья-разбойника, ни свитого им гнезда. Не было даже самого заваливающего, худосочного воришки, которого Антонина Кузьминична уложила бы наповал одним ударом молочной бутылки. На ее раскинутом диване, на чистом белье, в которое она не далее как вчера вечером упаковала свои одеяло и подушку, на простыне, еще сохранившей заутюженные складки, сидели, прижавшись друг к другу, два абсолютно голых

человека, смотрели на нее сумасшедшими глазами и даже не пытались как-то прикрыться тем самым одеялом в чистом пододеяльнике, которое безобразным комом прижималось к их ногам. Один из этих двух был, безусловно, Женькой, собственным ее сыном, второй... то есть вторая – черт знает кем. Установить личность дамы оказалось невозможно, поскольку она закрыла ладонью почти все лицо, кроме выпученных то ли от страха, то ли от изумления глаз.

– Эт-т-то что еще такое?! – особенно напирая на трехкратно умноженное «т», грозно произнесла Антонина Кузьминична, поскольку боевой настрой ее еще не покинул, а бутылка так и оставалась занесенной для поражения противника. Учительница даже зачем-то (наверно, для устрашения, на которое настроилась) очень энергично встряхнула своим оружием. При этом непрочно облепивший горлышко кружочек фольги не выдержал давления литра молока и отошел от положенного места всего лишь на какой-то миллиметр. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы весь литр, отодрав напрочь серебристую крышечку, хлынул на ноги заголившейся паре, залив при этом приличную часть их ложа.

– Мать! Да ты че!!! – вскрикнул Женька, резво соскочив с дивана в абсолютно голом виде.

Его дама тоже весьма пронзительно вскрикнула, но осталась на месте, лишь подтянула к себе ноги, покрытые капельками молока. При этом руку от своего лица женская особь убрала, и Антонина Кузьминична тут же идентифицировала ее личность. На диване сидела голяком и ежилась под ее суровым взглядом Раиска Никишина из квартиры напротив. Раиска разменяла уже тридцатник, но была незамужней и сильно охочей до мужеского пола. Антонине Кузьминичне и ранее не нравилось, что они живут дверь в дверь с гулящей бабой, но почему-то казалось, что уж ее-то Женька на лукавые взгляды и нечестивые происки перестарка Раиски ни за что не купится, поскольку собой недурен и вокруг него просто обязаны виться юные прехорошенькие девчонки. Теперь же размышлять об этом некогда – Раиску надо как можно быстрее вышвырнуть из квартиры, за что, собственно, Антонина Кузьминична и принялась. Она рывкнула во все свое луженое учительское горло в том же режиме, в каком обычно без всякого мегафона командовала линейкой в спортзале родной школы:

– А ну встать!!!

Раиска тут же послушно вскочила, безуспешно пытаясь прикрыться руками, но двух рук не хватало то на одно место, то на другое. Нужна была еще хотя бы одна рука, но где ж ее взять...

– Пошла вон!!! – продолжила изгнание нечистой силы из собственной квартиры учительница, и под ее испепеляющим взглядом Раиска стала пятиться к двери. Поскольку Антонина Кузьминична, как каменный командор, преследовала ее, тяжело печатая шаг, Никишина резко развернулась и, уже ничего не прикрывая, бросилась в коридор. Учительница скатала в безобразный ком ее одежду, аккуратно развешанную на стуле, и выбросила этот ком вслед за Раиской на лестничную площадку. При этом о кафельный пол что-то звякнуло, скорее всего, ключи от квартиры, а потому Антонина Кузьминична спокойно захлопнула дверь.

– Женька, ты совсем сдурел? – уже совсем другим тоном спросила она сына, вернувшись в комнату и опустившись на стул, на спинке которого только что висела чужая одежда. В учительнице будто кончился запал. Она вдруг почувствовала себя не просто уставшей от борьбы, а окончательно и непоправимо постаревшей. Если уж ее сын предается интимным забавам с тридцатилетними тетками, что тогда ей осталось в ее женской жизни... Ничего... Собственно говоря, ничего уже давно и не было, но она мужественно это переносила, отдавая всю себя школе и сыну, а теперь выходило, что Женьке нужна уже вовсе и не она, а одной школой сыт не будешь. Антонина Кузьминична посмотрела на сына, который успел натянуть домашние тренировочные брюки, и опять спросила, так и не получив ответа на первый вопрос: – Жень, ну почему Раиска-то? Тебе что, девчонок не хватает? И вообще, почему ты не на работе?

Женька натянул через голову футболку и наконец отозвался:

– Отвечаю на твои вопросы в порядке, обратном их поступлению! Я не на работе, потому что уволился! Девчонок мне действительно не хватает, а Раиска всегда и на все готова! И я вовсе не сдурел, а совершенно расчетливо пользуюсь тем, что мне предлагается!

– Но почему в нашей квартире? Почему не у этой... шалавы дома? – Антонина Кузьминична чувствовала, что после неприятных ответов сына первыми задала не те вопросы, но они уже вылетели, не поймать.

– А потому что я... брезгую домом этой, как ты справедливо выражаешься, шалавы! Предуведывая следующие твои вопросы, сразу отвечаю, почему использовал твой диван: потому что у меня за шкафом тесно и душно! И не моя вина, что ты всю постель залила молоком! Сумасшедшая! Сама и убирай!

– Жень, ты хотел, чтобы я потом ложилась спать на белье, на котором вы... ты с Раиской... Да?

– Да поменял бы я тебе белье! А если бы и не поменял, ничего бы с тобой не случилось!

Женька хотел выйти из комнаты, но Антонина Кузьминична остановила его следующим вопросом:

– Ты сказал, что брезгуешь домом Раиски... А ею самой... ты не брезгуешь?

Сын резко развернулся к ней и раздраженно ответил:

– Может быть... слегка... Но я хочу иметь определенные отношения с женщиной... Такой ответ тебя устраивает?

– Нет, не устраивает! – Голос Антонины Кузьминичны опять набрал силу. – Почему бы тебе не жениться тогда, коли захотелось интима?

– Куда я приведу свою жену?! – Женька выкрикнул это не менее мощно, чем мать. – За шкаф?! Да и кого привести-то? Не получается у меня с девчонками, понимаешь?! Не получается! Не нравлюсь я им – и все!

– Почему вдруг не нравишься? – удивилась Антонина Кузьминична, придирчиво оглядела сына и констатировала: – У тебя все... нормально. Ты достаточно хорош собой...

– Видать, недостаточно... Ну... или что-то не так делаю... не знаю... А только они после первого же свидания... ну, или второго... предлагают остаться друзьями.

Антонину Кузьминичну так ошарашили заявления сына, что она была абсолютно не готова развести руками беду, в которой он только что расписался, а потому перешла к более насущному на настоящий момент вопросу:

– А почему ты уволился?

– А ты хотела бы, чтобы я всю жизнь грузил грязные ящики и пил горькую в вонючих подсобках овощебазы? – вопросом на вопрос запальчиво отозвался Женька.

– Ты прекрасно знаешь, что я сразу была недовольна тем, что ты устроился грузить эти ящики! – отбрила Антонина Кузьминична. – Но ты меня уверил, что эта работа – именно то, что тебе нужно после двух лет казармы и строя!

– Да! Какое-то время хотелось именно расслабухи! Но скоро выяснилось, что я не приспособлен к тупому труду, да и жрать каждый день водку, закусывая луком с солеными огурцами, – тоже не по мне! Вот тут уже сидит! – И парень полоснул себя ладонью по горлу.

– Но надо же было найти какую-то другую работу, прежде чем увольняться с этой!

– Да?! Да я ж там сопьюсь, прежде чем что-то найду!

Антонина Кузьминична тяжело вздохнула и сказала:

– Честно говоря, с твоим образованием ничего лучшего ты все равно не найдешь. Можно, конечно, устроиться на завод... у меня даже есть знакомые, которые тебя поставили бы за станок, но... работяги и на заводе здорово пьют. Учиться тебе надо. Может, все же попробуешь снова в институт поступить? Не дурак ведь...

– Может быть, и попробую... только поступать буду на вечернее отделение или на заочное. Я деньги хочу иметь. Так что работать все равно пойду. Узнай про завод. Думаю, все же есть разница между грузчиками овощебазы и квалифицированными рабочими.

Антонина Кузьминична кивнула и занялась диваном, залитым молоком.

Поскольку тщательно замытый диван оставался мокрым, спать Антонина Кузьминична улеглась на пол, на постель, сооруженную из нескольких старых пальтошек, накрытых детским Женькиным одеялком. Постель оказалась несколько коротковата, но женщина, поглощенная думами, не замечала этого. Она, конечно, и сама понимала, что овощебаза в жизни сына – явление временное, но даже эта временность ее устраивала, поскольку Женька все же был при деле, и она могла хоть какое-то время пожить без дополнительных уроков и тайного репетиторства, поскольку деньги у сына имелись. Теперь придется опять брать учеников для подготовки в вузы, всяко скрывая это от директрисы. А вот скрывать от нее свое желание подзаработать она не будет. Пожалуй, стоит попросить несколько часов под математический кружок, благо учебный год только начался, и еще можно вносить какие-то коррективы в распланированную летом работу школы. Может быть, и еще что-то получится урвать. Уж в школе она не упустит свое. Гораздо неприятнее другое: отношения Женьки с девчонками.

Антонина Кузьминична вызвала в своем воображении облик сына. Женька был всем хорош: гибкий, высокий, плечистый, с тонкой талией. Чистые серые глаза под высокими бровями, тонкий прямой нос, аккуратные розовые губы и пышные, чуть волнистые пшеничного цвета волосы. Да он просто красавец, ее Женька! Что девицам еще нужно – непонятно... Наверняка он сам виноват в том, что отношения не складываются, но помочь сыну в этом вопросе она не сможет. Вот если бы он был девчонкой, поговорила бы по душам, а с парнем... нет... Тем более что он уже и не парень, а мужик – раз с Раиской путается...

А может, познакомить его с какой-нибудь ученицей? Например, из ее десятого «А»! Одной уже восемнадцать, нескольким – исполнится вот-вот... Таким можно после выпускного и замуж, ежели вдруг что...

Антонина Кузьминична принялась мысленно перебирать своих девчонок. Ту, которой уже восемнадцать, Люську Говоркову, она отмела сразу: страшновата, нос, как у Гоголя. Даже если гоголеобразным детям суждено появиться на свет, пусть у других рождаются, а не у ее сына. Остальные ученицы десятого «А» на роль Женькиной жены тоже не тянули. Кое-кто откровенно туповат, а потому сыну понравиться не сможет. Две девчонки не подходят как раз по причине своей исключительной красоты. Какая из красотки жена? Какая хозяйка? Какая мать? Да никакая! А кроме того, зачем сыну постоянная ревность? Тут и до беды недалеко... Есть еще Люда Лазутина... Пожалуй, эта всем хороша, но уж больно нацелена на учебу, а хорошая жена должна не в библиотеках сидеть и диссертации писать, а мужа любить и дом в порядке содержать.

После своего десятого «А» Антонина Кузьминична перешла на десятый «Б», потом на десятый «В», а потом снова вернулась к «Б». Таким образом, в результате тщательного отбора среди множества кандидаток на роль Женькиной жены она остановилась на Татьяне Ермаковой именно из «Б». Таня подходила по всем статьям. Не красавица, на которую станут заглядываться все мужчины, что, безусловно, нервировало бы сына, но хорошенькой назвать ее вполне можно: невысокая, но фигуристая, с хорошо развитой грудью и стройными полненькими ножками. Яркие карие глаза и свежий цвет лица. Что еще мужчине надо?! Татьяна не была тупой или глупой, но училась средне, не делая из наук культа, как Лазутина, а потому по окончании школы вполне могла бы переключить свое внимание на семью, если бы у них с Женькой сложились отношения. Конечно, все десятиклассницы нацелены на институты, но Татьяна из-за некоторой безалаберности в вопросах учебы может и не поступить – вот тут-то ее и надо хватать горяченькой и вести, условно говоря, под венец. А что касается шкафа, то в случае

Женькиной удачи с Ермаковой она сама переедет за шкаф, а проверять тетрадки можно и на кухне. А если еще купить туда небольшой телевизор, она и вовсе ни в чем не мешает молодым. Пусть живут да радуются.

Вполне удовлетворенная результатами своих сложных, многоступенчатых размышлений, Антонина Кузьминична довольно быстро заснула. На следующее же утро учительница математики умудрилась под довольно нелепым предлогом выпросить у директрисы личные дела учащихся десятого «Б» класса. Полистав для вида несколько совершенно не интересующих ее папок, она задержалась над бумагами Татьяны Ермаковой и выяснила, что она тоже, как и носатая Говоркова, по каким-то причинам пошла в школу с восьми лет, а потому к выпуску ей исполнится полных восемнадцать. Готовая невеста!

Задумавшись над тем, каким образом познакомить Ермакову с Женькой, Антонина Кузьминична чуть не опоздала на урок как раз в десятый «Б». Пристально разглядывая Татьяну, которая при этом даже начала беспокойно ерзать за партой, она еще раз убедилась, что находится на правильном пути. Более того, ей вдруг пришла в голову счастливая мысль пристроить Женьку в лаборанты физического кабинета школы. С начала сентября в лаборантках работала Олечка, племянница кого-то из учителей, которая за две недели едва начавшегося учебного года умудрилась вывести из строя несколько реостатов и уронила с ужасающими последствиями ящичек с пробирками, когда ее попросили помочь на лабораторных по химии. Последствия были ужасны тем, что тончайшие осколки пробирок так изрезали ногу бедной Олечки, что из школы ее увезли на «Скорой помощи», после чего она и уволилась, ко всеобщей радости. Место лаборанта оставалось вакантным, а потому Женька мог бы поработать в школе, пока не найдет себе что-нибудь более подходящее. Деньги, конечно, небольшие, зато много свободного времени для подготовки в вуз к следующему лету. К тому же Татьяна Ермакова каждый день будет на его на глазах. А уж чтобы именно Таня оказалась чаще всего на глазах у Женьки, она, Антонина Кузьминична, как-нибудь да устроит...

* * *

– О чем ты думаешь? – спросила Юру Майорова Лана Кондратенко.

– Представь, у нас все девчонки поголовно втрескались в этого нового лаборанта, Евгения Павловича! – ответил он. Улыбался Юра при этом несколько натужно, поскольку боялся, как бы глаза подружки не заискрились при этом сообщении с той же силой, что у одноклассниц, когда речь заходила о лаборанте или когда он собственной персоной в синем халате и суровым выражением лица появлялся в кабинете физики. – А какой он Павлович, Женька-то?! Да ему лет двадцать! Подумаешь, на три года нас старше, а ведет себя так, будто наимудрейший аксакал!

– Говорят, он уже в армии отслужил, – отозвалась Лана.

– Ну и что?

– Как это что? Армия – школа жизни! Там юноши становятся мужчинами!

– Ага! Становятся! Начиталась газетных статей! Можно подумать, что в обычной жизни мужчиной не стать! – возмущенно воскликнул Майоров, который тут же решил, что Лана явно дает понять: ему не встать на одну доску с Женькой, поскольку тот мужчина, а он, Юра, всего лишь жалкий школьник. С этим надо было срочно что-то делать, но он не знал что.

– Перестань, Юра! – Лана рассмеялась и обняла молодого человека за шею. – Мне нет никакого дела до этого Женьки, будь он хоть трижды Евгением Павловичем!

– Точно?! – решил все же уточнить Майоров и, заключив девушку в свои объятия, хотел поцеловать, но потом отстранился и спросил снова: – А то, что он уже отслуживший армию мужчина, тебе кровь не волнует?

– Не волнует, Юрочка мой, – интимно прошептала Лана и подставила молодому человеку свои губы, к которым он тут же и приник, сразу забыв не только про Женьку, но и вообще разом про всех мужчин, которые окружали его девушку в повседневной жизни и могли так или иначе составить ему конкуренцию.

Они еще долго целовались в подъезде, пока Лана, чуть оттолкнув Юру, не сказала:

– Ну, все! Мне пора! До завтра!

– До завтра! – отозвался он, еще раз чмокнул ее в щеку и, сделав прощальный жест, вышел на улицу.

Лана сладко потянулась и принялась медленно подниматься по лестнице на свой четвертый этаж, сохраняя на лице безмятежно-счастливую улыбку. Когда дошла до площадки между третьим и четвертым этажом, ее улыбка сама собой превратилась в жесткий минус. На подоконнике, обняв ноги в коленках, сидела ее бывшая подруга. Лана не общалась с Ермаковой уже почти месяц, и потому ее появлению возле своей квартиры очень удивилась. Она подошла к подоконнику и молча остановилась перед Танькой. Спрашивать ее она ни о чем не собиралась. Сама пришла, пусть сама и говорит, что надо.

Танька отпустила коленки, спрыгнула на пол и сказала то, чего Кондратенко ожидала меньше всего:

– Давай помиримся.

– А что так? – Лана не смогла выжать из себя ничего более умного, оставаясь в растерянности. Кроме того, она считала себя виноватой перед Танькой, и немножко развязный тон был своего рода защитной реакцией.

– Ну... мы с тобой все же с первого класса дружим... я привыкла, что ты всегда рядом... одиноко как-то. Тебе-то, конечно, хорошо...

– Да, мне хорошо, Таня... Ты меня за это прости... за то, что все так получилось...

– Ладно... проехали... Мир?

– Ну... мир, если ты серьезно.

– Вполне.

– А как же... Майоров? Твоя... любовь к нему?

– А не было никакой любви! Ты действительно убедила меня в том, что она есть. Кому ж любви не хочется? Вот и мне захотелось, но ее, видимо, надо как-то... выстрадать... По чужому желанию не выйдет.

– То есть тебе совсем-совсем Юра больше не интересен? – на всякий случай спросила обрадованная Лана, которая без подруги тоже, в общем-то, скучала. Ей очень хотелось поделиться с кем-нибудь своим счастьем, но никому, кроме Таньки, она не доверяла.

– Совсем, – отозвалась Ермакова. – Как говорится, с глаз долой – из сердца вон. Значит, это не любовь была, а так – баловство, игры. Согласна?

– Я-то согласна, – наконец рассмеялась Лана. – Лишь бы ты больше зла на меня не держала.

Танька ответно улыбнулась и сказала:

– Я не держу. Ну... в общем, пошла я, раз все у нас опять хорошо. У меня, честно говоря, сочинение еще не написано, а завтра последний срок сдачи. Я побежала!

– Давай! – согласилась Лана. – Я за уроки вообще еще не садилась! Завтра зайти за тобой в школу?

– Конечно! Как раньше! Пока!

Лана кивнула подруге и поднялась к квартире. Надо же, как все нынче хорошо складывается: и Юра с ней, и Танька ее простила. Чего еще желать от жизни? Впрочем, есть что! Вспомнив об учительнице математики, Лана вздрогнула, и от хорошего настроения не осталось и следа. Конечно, учебный год только начался и до его конца еще далеко, но выше трех баллов она теперь не получает ни по алгебре, ни по тригонометрии. Как бы ни старалась. Как

бы ни лезла вон из кожи. Таньке Лана сказала полуправду. Она действительно не садилась еще за уроки, если не считать алгебру. Домашнее задание по этому предмету она сделала сразу, как только вернулась из школы. Ответы на все примеры у нее сошлись с теми, которые в конце учебника, но она обязательно даст тетрадку отцу на проверку, чтобы тот посмотрел ход решения: вдруг можно решить проще и как-нибудь изящнее. Вообще-то он утверждал, что учительница явно придирается, и даже собирался идти в школу разбираться, но Лана упорно сопротивлялась. Как ей потом учиться дальше? Антонина ее просто живьем съест!

Даже после того как отец заверил Лану, что примеры решены идеально, девушка никак не могла успокоиться. Да, любовь – это здорово. Она несказанно счастлива с Юрой, но в институт поступить все же хочется. Она собирается в университет на филологический факультет. Сдавать математику на вступительных экзаменах, конечно, не придется, но средний балл аттестата сейчас играет существенную роль. А разве можно рассчитывать на высокий балл, если по трем предметам: алгебре, геометрии и тригонометрии – будут тройки? Хорошо, если хоть тройки удастся вытянуть... Может, все же запустить в школу отца? Нет, пожалуй, еще рано...

– На меня Антонина тоже все время как-то странно смотрит, – сказала Танька в ответ на Ланины жалобы на математичку.

– Брось... Чего ей на тебя смотреть? – Лана небрежно махнула рукой.

– Вот честное слово! У меня такое впечатление, что она хочет своим взглядом меня намертво приварить к парте!

– Ну и зачем ей это надо?

– Откуда я знаю? Ведь ей зачем-то надо к тебе придираться. Весь класс уже заметил, что Антонина тебя ненавидит. Можешь предположить, за что?

– В том-то и дело, что не могу!

– Слушай, а может, на нее пожаловаться?

– Кому?

– Директрисе!

– И что ты скажешь? Что она тебя к парте приваривает, а мне напрасные пары ставит? Мне предложат лучше готовиться к ее урокам, а тебе – провериться у психиатра.

– Пожа-а-алуй... – протянула Ермакова и замолчала. Молчала и Лана, размышляя, не пожаловаться ли на Чеснокову классной руководительнице, Маргарите Максимовне. В конце концов, Маргарита тоже заинтересована в успеваемости своего класса. Может быть, как-то поможет?

В этот момент мимо девушек, подпиравших стену в рекреации у кабинета физики, прошел лаборант Евгений Павлович. Лана проводила его равнодушным взглядом, но он вдруг вернулся, как-то странно посмотрел сначала на нее, потом на подругу и сказал, обращаясь уже только к Таньке:

– Ермакова, вы не могли бы помочь мне установить на парты приборы для лабораторной работы?

– Могу, конечно... – дрожащим голосом отозвалась Танька.

– Тогда пройдемте со мной, – проговорил он и, уже больше не оборачиваясь, направился к лаборантской. Танька засеменила за ним.

Об этом происшествии Лана тут же забыла, потому что к ней подошел Юра, и они начали договариваться о том, как проведут воскресенье. В предвкушении чудесного выходного дня она даже не заметила, что Танька, сидевшая с ней на лабораторной работе по физике, была необычно тиха и все время путалась, снимая показания с приборов.

Лана с Юрой договорились поехать в воскресенье в близлежащий лесопарк, но, как это часто случается, погода испортила их планы. С самого утра сизые тучи так низко опустились

на город, что своей полупрозрачной дымчатой кисеей закрыли верхние этажи зданий. С девяти утра эта кисея начала как бы подтаивать, осыпая улицы мелкими горошками капель. К десяти, когда вся прозрачность искапала, из потемневших и уплотнившихся туч хлынул настоящий проливной дождь.

– Что будем делать? – огорченная Лана прокричала этот вопрос в телефонную трубку.

– Прямо и не знаю... – отозвался не менее огорченный Юра. – Впрочем, есть вариант... Мои родители, несмотря на эту дождяру, уехали в поселок Радужный. Там живет мамина старшая сестра, у нее сегодня юбилей, полтинник шандарахнул. Думаю, они вернутся поздно вечером.

Уже понимая, что он ей предложит, Лана, оттягивая этот момент, спросила:

– А ты чего не поехал?

– Ну... мы же с тобой договорились встретиться, – ответил Юра.

– Меня на юбилей к такой близкой родственнице, как родная тетя, родители все равно погнали бы силой!

– Меня не гнали. У тети Наташи детей нет, в поселке вообще молодежи мало, да я с ними и незнаком. Мама будет помогать готовить еду, у отца с мужем тети Наташи свои дела, так что я там был бы лишним. Меня, конечно, приглашали, но только для порядка. Когда я отказался, все только обрадовались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.